

Научная статья

УДК 94(571)''17''+81'373.611+39(571)

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-142-159

Загадки этнической идентификации нелюдов и Гантимура

Андрей Сергеевич Зуев

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

zuev.nsu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2465-380X>

Аннотация

Цель. На основе анализа аутентичных документальных и нарративных источников рассматриваются варианты этнической идентификации нелюдов, обитавших на юге Восточного Забайкалья, и их предводителя Гантимура, сыгравшего значимую роль в русско-маньчжурских отношениях и в укреплении русской власти в регионе во второй половине XVII в.

Результаты. Аргументированно доказаны следующие положения: во-первых, существующие в историко-этнографической литературе версии этнической идентификации нелюдов и Гантимура являются результатом некритической интерпретации исследователями сохранившейся информации; во-вторых, имеющаяся информация не позволяет точно определить этническую принадлежность нелюдов и Гантимура в период первоначального знакомства с ними русских; в-третьих, лишь в последней трети XVII в. русская сторона стала уверенно обозначать нелюдов, Гантимура и его потомков тунгусами Дуликагирского рода.

Заключение. Установлено, что в середине XVII в. русские, пришедшие в Забайкалье, воспринимали «Нелюдский род» преимущественно как особое этнотерриториальное объединение, отличное от других народов данного региона – тунгусов, дауров, монголов и прочих. И лишь со второй половины 1660-х гг. нелюды, Гантимур и его ближайшие родственники в русских документах и описаниях стали определенно маркироваться как тунгусы.

Ключевые слова

нерчинские тунгусы, нелюды, Гантимур, история Забайкалья

Для цитирования

Зуев А. С. Загадки этнической идентификации нелюдов и Гантимура // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 7: Археология и этнография. С. 142–159. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-142-159

Mysteries of the Ethnic Identification of Nelyud Clan and Gantimur

Andrey S. Zuev

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

zuev.nsu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2465-380X>

Abstract

Purpose. This article, based on the analysis of authentic documentary and narrative sources, examines the variants of ethnic identification of Nelyuds, who lived in the south of Eastern Transbaikalia, and their leader Gantimur, who played a significant role in Russian-Manchu relations and in strengthening Russian power in this region in the second half of the 17th century.

Results. The outcomes of the research demonstrate that 1) hypotheses of the ethnic identification of Nelyud clan and Gantimur existing in the historical and ethnographic literature are the result of an uncritical interpretation by researchers of the surviving information; 2) the available information does not allow us to accurately determine the ethnicity of

© Зуев А. С., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 7: Археология и этнография. С. 142–159

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 142–159

Nelyuds and Gantimur during their initial contacts with Russians; 3) only in the last third of the 17th century Russians began to unambiguously identify Nelyuds, Gantimur and his descendants as the Tungus of the Dulikagir clan.

Conclusion. It is established that in the middle of the 17th century Russians, who came to Transbaikalia, consider the “Nelyud clan” mainly as a special ethno-territorial union, different from other peoples of this region – the Tungus, Daur, Mongols and others. Only from the second half of the 1660s Nelyuds, Gantimur and his closest relatives are defined in Russian documents and descriptions as Tungus.

Keywords

Nerchinsk Tungus, Nelyuds, Gantimur, history of Transbaikalia

For citation

Zuev A. S. Mysteries of the Ethnic Identification of Nelyud Clan and Gantimur. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 142–159. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-142-159

Введение

Одним из наиболее известных персонажей эпохи присоединения Сибири к России является Гантимур – предводитель нелюдов, обитавших в середине XVII в. на юге Восточного Забайкалья. Об этом вполне уверенно можно судить, принимая во внимание значительное количество посвященных ему книг, статей и разного рода заметок. Их публикации вызваны повышенным вниманием исследователей к той заметной роли, которую сыграл Гантимур в истории русско-маньчжурских отношений в 1650-х – первой половине 1680-х гг., а также тем, что его потомки (князя Гантимуровы) в период конца XVII – XIX в. являлись ключевыми фигурами в коммуникации между российской властью и забайкальскими тунгусами (эвенками). При этом в биографии Гантимура остается много загадок, которые порождены как скудными и противоречивыми сведениями в источниках, так и их некритической интерпретацией, сделанной рядом историков и этнографов. К числу таких загадок относится, в частности, этническая идентификация Гантимура, его родичей и подвластных им нелюдов.

В большинстве исторических и историко-этнографических сочинений все они причисляются к забайкальским (нерчинским) конным тунгусам, а сам Гантимур – к тунгусскому роду Дуликагир (см., например: [Спаский, 1822, с. 185; Паршин, 1844, ч. 1, с. 140; Chen, 1948, р. 14; Долгих, 1960, с. 339, 340, 349, 350, 581; Шубин, 1973, с. 33, 35; Урай-Кёхальми, 1985, с. 127; Артемьев, 1995, с. 47; Элерт, 2000, с. 418; Dumbravă, 2010, р. 339–341; Lavrillier et al., 2018, р. 6; Уварова, 2022, с. 59]). Но ряд исследователей относит их (либо только Гантимура, либо его и подвластный ему род) к амурским даурам [Шренк, 1883, с. 177; Патканов, 1906, с. 22, 204; Дамдинов, 1996, с. 10, 15; Жамсаранова, 2018, с. 33, 63, 110, 240; Kim, 2019, р. 76], при этом одни из них считают дауров тунгусоязычным народом (территориальной группой тунгусов), другие – монголоязычным, т. е. по сути монголами, третьи – монголизированными тунгусами (о языковой принадлежности дауров см. подробнее: [Цыбенков, 2012, с. 10–28; Wallenböck, Zikmundová, 2021, р. 5–14]). По мнению С. М. Широкогорова и Е. Н. Широкогорой, Гантимур был то ли тунгусом (и принадлежал к роду Баягир), то ли дауром, а все конные (кочевые) тунгусы, в том числе и нелюды, были сильно монголизированы [Широкогорова, 1919, с. 115; Широкогорой, 2017, с. 114, 120, 250]. В рамках этой версии более однозначно высказался А. В. Соломин, который причислил нелюдов к одаурившимся (омонголившимся) тунгусам, а Гантимура – к «даурам тунгусского по происхождению рода Баягир» [Соломин, 2016, с. 14–16, 19, 21]. В. А. Туголуков же полагал, что если нелюды по образу жизни «были ближе к даурам, чем к конным тунгусам», и не являлись собственно тунгусами, то сам Гантимур и его ближайшие родственники по происхождению были тунгусами рода Дуликагир, но «одаурившимися» (омонголившимися) к середине XVII в. [Туголуков, 1975, с. 98–101]. В разного рода публикациях встречаются также утверждения о принадлежности Гантимура к монголам [Георги, 2005, с. 313], хамниганам [Janhunen, 1996, р. 119, 120], солонам [Chen, 1966, р. 59–62], маньчжурам [Карнович, 1885, с. 151; Жамсаранова, 2018, с. 48.] и даже о его тюркской родословной [Иванчик, Кононенко, 2016, с. 15–17, 22].

Следует особо заметить, что, констатируя ту или иную этническую принадлежность Гантимура и нелюдов, исследователи, как правило, не подкрепляли свои утверждения сколько-нибудь развернутой аргументацией, опиравшейся на анализ источников. Исключение представляет лишь В. А. Туголуков, который, доказывая свою точку зрения, привел ряд сведений из известных ему архивных и опубликованных документов.

Решение вопроса об этнической принадлежности Гантимура и нелюдов, несомненно, требует пристального внимания ко всей совокупности сохранившейся о них аутентичной информации. Эта информация, представленная в документальных и нарративных источниках середины XVII – начала XVIII в., к сожалению, весьма скупа и подчас не отличается определенной ясностью. Тем не менее, ее рассмотрение и критический анализ позволяют сделать содержательные наблюдения и определенные выводы и тем самым найти ответ на обозначенный выше вопрос. В поисках данного ответа мы сначала обратимся к информации о нелюдах, а затем к сведениям о Гантимуре и его ближайших сородичах.

Кто такие нелюды и когда они стали тунгусами Дуликагирского рода?

Начнем с того, что Б. О. Долгих и В. А. Туголуков уверенно полагали, не приводя, правда, никаких веских доказательств, что в самых ранних русских известиях о нелюдах последние фигурируют как «лелюли», «лелеи» и «нелюли». Они впервые упоминаются в показаниях казачьего десятника К. И. Москвитина, записанных, вероятно, в 1647 г. В них говорится, что «на усть Оны реки кочуют лелеи, а живот у них кони и коровы, и иново ничево нет» [Сборник..., 1960, с. 114]. В. А. Туголуков идентифицировал «Ону реку» как р. Оной, впадающую в р. Уду, являющуюся, в свою очередь, притоком р. Селенги [Туголуков, 1975, с. 98]. Однако, судя по перечислению в показаниях Москвитина географических объектов, «Оной» он назвал р. Онон, которая, сливаясь с р. Ингодой, образует р. Шилку. Москвитин прямо указал, что по «Оне» на стругах, двигаясь вниз по течению, можно добраться до Шилки [Сборник..., 1960, с. 114].

Следующее упоминание лелюлей встречается в показаниях тунгуса Арчеула, допрошенного казаками в 1649 г. в Тугирском зимовье (на р. Олёмке). Он поведал, что в верховьях р. Шилки живут «лелюльские люди», «а язык у них свой». Указав на «свой язык» лелюлей, Арчеул тем самым отметил его отличие от своего родного тунгусского языка. Но при этом он не указал и на сходство «лелюльского» языка с даурским, хотя дауры, судя по его рассказу, были ему знакомы [Дополнения..., 1848, с. 174]. Опираясь на показания Арчеула, Б. О. Долгих утверждал, что «название “лелюли” очевидно искаженное племенное название конных нерчинских тунгусов нелюдов или “нелюлей”» [Долгих, 1960, с. 340], а В. А. Туголуков полагал, что «лелюли» «являлись оседлыми охотниками и скотоводами (точнее животноводами); в этом отношении они были ближе к даурам, чем к конным тунгусам» [Туголуков, 1975, с. 99]. Идентифицируя «лелюлей» как нелюдов, оба исследователя, по сути, исходили лишь из того, что первые обитали там же, где и вторые, – на р. Шилке.

Первое же упоминание собственно нелюдов встречается в показаниях «даурских и тунгусских мужиков», вступивших где-то в районе р. Шилки в переговоры с хабаровскими казаками Т. Чечигиным и С. Поляковым то ли в конце декабря 1650 г., то ли в начале 1651 г. Эти «мужики» сообщили, что нелюды проживают в верховьях р. Шилки, являются «родниками» и подчиненными Гантимура, но не принадлежат к числу «иных многих даурских мужиков и тунгусских многих» [Красноштанов, 2008, с. 263]. 1 марта 1651 г. трое из этих «переговорщиков» – дауры Араул, Мазега и Тыгичей был опрошены Е. П. Хабаровым, которого интересовало, «какие люди живут на Амуре и по иным посторонним рекам». В своих «расспросных речах» они подтвердили, что нелюды подвластны Гантимурову: «да верх Шилки реки... под тем де князем Гантимуром живут люди шародувы, и нелюды, и почеги». И в этих «речах» нелюды опять же фигурируют (как и шародувы, и почеги) отдельно от других пере-

численных в них «народов» – дауров, которые обитали «с верх де Шилки реки и по Амуру вниз», и таргачин (торгачин), живших «в верх же по Амуру реке» [Красноштанов, 2008, с. 270–272]. Заметим, что в последующее время шародувы и почегги уже не фигурируют в качестве «родов», подвластных Гантимуру¹.

Во второй половине 1650 или в первой половине 1651 г. с Гантимура был взят первый ясак в «государеву казну». Об этом в своей челобитной апреля 1653 г. поведал енисейский сын боярский В. И. Колесников: «в прошлых... годах взял... з Гонтамура князцы и с ево с улусных людей да с Бжевцы и с ево улусных людей вновь (т. е. в первый раз. – А.З.) ... на прошлой на 159 (1650/51) год семьдесят два соболя». Ясак с этих же людей, по утверждению Колесникова, был взят и на «160 (1651/52) год»². Правда, в своей более ранней отписке (составленной до 9 августа 1651 г.) Колесников сообщал, что ясак взял не он лично, а посланные им «енисейские служилые люди Якунка Софонов с товарищи» – они и взяли на 1650/51 г. «с новые реки Шилки семьдесят три соболя да три лисицы»³.

Зимой-весной 1653 г. ясак с местного населения Восточного Забайкалья (которое в русских документах XVII в. вместе с Приамурьем называлось Даурией) собирал енисейский казначий пятидесятник И. М. Перфильев. Позднее (в начале XVIII в.) один из его внуков подал челобитную, в которой, явно опираясь на какой-то документ, составленный его дедом, сообщил следующее: «деда моего Ивана Перфирьева службы: во 161-м (1652/53) году на великой реке Шилке призвал князца Гантимура с родом и иных родов в ясашной платеж и взял с них ясаку 7 сороков 5 соболей» [Бродников, 1994, с. 139–140].

Во всех вышеназванных документах (показаниях и «расспросных речах» дауров и тунгусов, челобитных Колесникова и Перфильева) Гантимур и его «Нелюдский / Нелюцкий род» обозначены без указания на их этническую принадлежность. Впервые она появляется, правда, не вполне определенно, в ясачной книге, составленной сыном боярским П. И. Бекетовым, отряд которого в ноябре 1653 г. – феврале 1654 г. собрал ясак с этнотерриториальных групп, обитавших на «великой реке Шилке» и в районе Иргенского острога. В одном месте этой книги нелюды фигурируют без этнической «привязки», тогда как другие «роды» названы тунгусскими: «с нелютцких людей и с какарских, и с дуларских, и с киптягирских, и с намятцких, и с шунинских, и с баликагирских, и с баягирских, и с шилегирских, и с почегирских, и с лукигеленских тунгусов»⁴. Тем самым составитель ясачной книги обозначил нелюдов отдельно от тунгусов. Но в другом месте той же книги нелюды четко названы тунгусами: «с нелютцких тунгусов»⁵. В целом, исходя из того, что нелюды в книге перечисляются среди тунгусских родов, а Гантимур указан как князец не только «нелютцких людей», но и «дуларских и киптягирских» (тунгусских)⁶, можно полагать, что Бекетов идентифицировал нелюдов и Гантимура как тунгусов.

Однако в последующем, в отписках 1654–1657 гг. того же П. И. Бекетова, казачьего десятичника К. И. Полтнина, первого даурского воеводы А. Ф. Пашкова Нелюдский род, обитавший на «великой реке Шилке», вновь фигурирует без точной этнической идентификации. Но при этом Пашков называл его вслед за теми родами, которые в историко-этнографической литературе признаются тунгусскими (Какагирским, Намяцким, Баягирским, Почегирским и др.) [Сборник..., 1960, с. 205]⁷. В отписках же 1658–1659 гг. Пашков однозначно определял нелюдов и территорию их обитания как обладающих собственной «этничностью», отдельной от их соседей – тунгусов и дауров: «ясачным новоприводным нелютцким и тунгуским и даурским людем», «на великой реке Шилке в Нелютцкой и в Тунгуской и в Даурской

¹ В «шародувах», по мнению В. А. Туголукова, следует видеть *сартулов* – группу тюрко-монгольского происхождения, в «почегах» – тунгусов Почегорского рода [Туголуков, 1975, с. 98].

² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 343. Л. 95.

³ Там же. Стб. 422. Л. 158–159.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 27. Л. 325.

⁵ Там же. Л. 328.

⁶ Там же. Л. 326.

⁷ Там же. Д. 22. Л. 286, 300, 329 об.; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 341–342, 338.

землях»⁸. Первым на это обратил внимание В. А. Туголуков, указав на то, что в середине XVII в. нелюды «фигурировали в ясачных документах рядом с “тунгусами” и “даурами” как самостоятельная группа населения» [Туголуков, 1975, с. 99].

К 1658 г. Гантимур с Нелюдским родом переселился с Шилки на территорию, подконтрольную маньчжурам, и упоминания о них на время исчезли из русских документов. После того, как Гантимур с частью своих людей в 1666/67 г. вернулся в российские пределы и обосновался недалеко от Нерчинского острога, в известных исследователям русских документов дважды встречается точное «этническое» обозначение нелюдов. В донесении 1670 г. в Сибирский приказ нерчинский приказчик Д. Д. Аршинский сообщил следующее: «В прошлом... во 175 (1666/67) году... пришел из Богдойские земли в Нерчинской острог... князец родом тунгус Нелюдцково роду Гантимур з детьми и з братьями и с улусными своими людьми» [Русско-китайские отношения..., 1969, с. 275]. В другом донесении 1673 г. (енисейскому воеводе К. А. Яковлеву) он же назвал сына Гантимура Катаная «тунгусом Нелюнскового роду» [Там же, 1969, с. 309]. Однако в последующее время упоминания о нелюдах уже не встречаются в каких бы то ни было источниках. Даже сам Гантимур и его сын Катанай в своей челобитной 1684 г. вообще не упомянули ни свой род, ни его название, ни его этническую принадлежность, обозначив своих подчиненных просто «улусными людишками»⁹. Равным образом ничего о нелюдах Гантимур не сказал и в своих показаниях, данных в том же году енисейскому воеводе К. О Щербатому¹⁰. Русская сторона также не проявляла никакого интереса к нелюдам и не стремилась выяснить, кто они такие: об этом свидетельствуют отписки нерчинского и енисейского воевод 1684 г., упомянутые показания Гантимура, а также нерчинских служилых людей И. М. Милованова и С. Г. Молодого 1685 г., да и в целом документация Сибирского приказа середины 1680-х гг., содержащая информацию о Гантимуре, его сыне Катаная и внуке Чекулае¹¹.

Позже, уже в начале XVIII в., о нелюдах совершенно не вспоминали и не давали никакой этнической, да и родовой идентификации «роду» Гантимура и Катаная в своих челобитных их ближайшие родственники – жена Катаная (в крещении Павла) Марья, ее дети Ларион, Лазарь и Авдотья (челобитная 1700 г.)¹², Бишенга и Андрей (1705 г.)¹³, Ларион (1705 г.)¹⁴, Ларион и Лазарь (1710 г.) [Высочайше учрежденная..., 1898, Приложения, с. 20]. По поводу челобитной Бишенги и Андрея дьяки Сибирского приказа были даже вынуждены поинтересоваться, к какому именно роду принадлежат их предки. В ответ Бишенга сказал, что «род де деда и отца их иноземцы Дуликагирского, Баягирского, Уляцкого, Калтагирского... родов». Но сослался он при этом на записи в нерчинских окладных ясачных книгах, т. е. на документы, составленные нерчинской воеводской администрацией уже после того, как Гантимур вернулся на территорию, подконтрольную русской власти¹⁵. Складывается впечатление, что потомки Гантимура либо не знали, либо забыли, либо сознательно умалчивали об этнической принадлежности своих предков и их рода.

Обозначение Гантимура и его сородичей после их возвращения в российские пределы в окладных ясачных книгах как членов Дуликагирского рода, а некоторых прямых потомков Гантимура в русских документах конца XVII – XVIII в. как глав нескольких тунгусских родов дало основание Б. О. Долгих утверждать, что этноним «нелюды» в середине XVII в. являлся обобщенным «племенным» наименованием 11 родов конных тунгусов – Баягирского, Дуликагирского, Колтагирского, Почагорского, Луникирского, Баликагирского, Челкагирского, Чермагирского, «Украинского» (Вакасылского), Шунинского и Кайзойского [Долгих,

⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 55, 59, 144 в, 326, 332, 333, 336, 345.

⁹ Там же. Стб. 1355. Л. 66.

¹⁰ Там же. Л. 60–61.

¹¹ Там же. Л. 59–140.

¹² Там же. Оп. 1. Кн. 1388. Л. 32 – 32 об.

¹³ Там же. Л. 84.

¹⁴ Там же. Л. 28.

¹⁵ Там же. Л. 84 об., 85.

1960, с. 343, 349]. При этом он отождествил дуликагиров с нелюдами, дуларами и киптягирами¹⁶. Данные выводы, как не имеющие никакой доказательной базы, были убедительно раскритикованы и отвергнуты В. А. Туголуковым [1975, с. 95–98]. Но, несмотря на это, они получили распространение в исследовательской литературе (см., например: [Шубин, 1973, с. 33; Урай-Кёхальми, 1985, с. 127; Артемьев, 1995, с. 47–48]).

Таким образом, весьма скудные известия источников, имеющиеся к настоящему времени в распоряжении исследователей, не дают определенного ответа на вопрос об этнической принадлежности нелюдов. Судя по этим известиям, русские землепроходцы и администраторы, контактировавшие с нелюдами в конце 1640-х – 1650-х гг., скорее отделяли их от иных народов, обитавших в Даурии (тунгусов, дауров и прочих), нежели причисляли к ним. И здесь следует заметить, что весь комплекс разнообразных источников, относящихся к XVII в., убедительно свидетельствует о том, что русские люди, шедшие по Сибири и подчинявшие власти «государя всея Руси» местное население, крайне редко ошибались в этнокультурной, в том числе языковой, идентификации той или иной этнотерриториальной группы. Опираясь на данный факт, вряд ли можно сомневаться в том, что нелюды, по крайней мере в явно выраженном виде (бросавшемся в глаза землепроходцам), не представляли собой типичных тунгусов или дауров (кем бы последние ни были – тунгусоязычными или монголоязычными). При этом в документах, исходящих от землепроходцев, полностью отсутствуют даже намеки на возможную принадлежность нелюдов к братьям (бурятам), монголам или тюркам.

Следует также обратить внимание на то, что в этнониме «нелюды» отсутствует какой-либо из характерных для названия тунгусских родов словообразовательный аффикс (-гир, -ган, -кан, -чер, -кшин или иной), как, например, у таких собственно тунгусских восточно-забайкальских «родов», как дуликагиры, баягиры, колтагиры, почегоры. Зато по своим словообразовательным характеристикам этноним «нелюды» имеет сходство с названиями как тех восточно-забайкальских «родов» (уляты, узоны / озоны / одзоны, сартолы / сартоты и ряд других), которые были монголами по происхождению и которые влились в состав забайкальских тунгусов, так и ряда амурских тунгусоязычных народов (орочоны, негидальцы, гольды и др.). Учитывая данное обстоятельство, не исключено, что «нелюды» – это не собственно «родовое» название, а «прозвище», производное от места обитания, образа жизни и т. д., как, например: бирары – «приречные жители», орочоны – «оленный народ», ламуты – «приморские» и т. д. В связи с этим заметим, что еще в середине XIX в. известный исследователь «сибирской старины» Г. И. Спасский высказал мнение о происхождении этнонима «нелюды» от русского слова «не-люди»: тунгусы, «кочевавшие в тамошних окрестностях» (окрестностях Нерчинска. – А. З.), прослыли «тогда не-людьми, вероятно, от неопрятности их и от непривычки первых посетителей русских видеть степной их образ жизни» [Спасский, 1853, с. 25]. Из последующих исследователей это мнение поддержала лишь Р. Г. Жамсаранова [2014, с. 42, 45, 46]. Но с ним, безусловно, нельзя согласиться, поскольку русские землепроходцы никогда сами не придумывали для наименования сибирских народов каких-либо этнонимов, тем более эмоционально окрашенных, а всегда заимствовали их от самих коренных обитателей Сибири.

Выяснить этимологию этнонима «нелюды», возможно, могли бы лингвисты – знатоки языков народов Восточного Забайкалья и Приамурья, установив, соответственно его этническую маркировку. Пока же нам (путем просмотра ряда тунгусо-маньчжурских и монгольских языковых словарей) удалось выявить лишь одно монгольское слово, схожее по звучанию с «нелюдами» – *neliyed* (нилээд), и имеющее значения «много, значительно, довольно» [Сан-

¹⁶ Указывая численность нерчинских ясачных тунгусов за 1654 г., Б. О. Долгих опирался на ясачные книги, составленные П. И. Бекетовым. В этих книгах названы 13 родов (в том числе «нелютцкий»), но отсутствует упоминание Дуликагирского рода (СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 27. Л. 324–328). Тем не менее, исследователь счел возможным указать в таблице именно этот род, «объединив» в нем «нелютцких людей и дуларских и киптягирских» [Долгих, 1960, с. 335].

жеев и др., 2016, с. 193]. Заметим также, что, по версии К. Урай-Кёхальми, в письменных монгольских памятниках второй половины XVI в. нелюды фигурируют под именем «нелигуд»: «нелигуд – это правильное старописьменное монгольское соответствие названию нелюд» [Урай-Кёхальми, 1985, с. 128]. Упомянутая выше Р. Г. Жамсаранова высказала предположение (по нашему мнению, совершенно фантастическое), что этноним (соционим) «нелюды» является русской калькой с этнонима «никан – туземного населения Никанского царства». Оба этнонима якобы схожи по смысловому содержанию: «нелюды» по-русски – не люди, полулюди, а «никаны» в тунгусо-маньчжурских языках имеет значения «раб, слуга, работник», т. е. обозначает «человека низкого социального происхождения», а также «некоего этносообщества варваров». При этом этноним «никан» русские («казаки Пашкова») переняли не от тунгусо-маньчжуров, а от китайцев и буквально перевели на русский язык: *тунг.-маньж.* никан – *кит.* ню-хань (не-люди) – *рус.* нелюды (не-люди) [Жамсаранова, 2014, с. 42–46]. Фантастичность данной версии обусловлена тем, что русские люди, заимствуя у народов Сибири (и шире – Азии) их собственные этнонимы, никогда не переводили их на русский язык, а лишь русифицировали их звучание и, соответственно, написание. К слову заметим, что русские, познакомившись в середине XVII в. на Амуре с никанами (никанцами / никанскими людьми), т. е. с собственно китайцами (ханьцами), ни в то время, ни много позже не предпринимали попыток выяснить этимологию этнонима «никаны» и осуществить его перевод на русский язык.

Что же касается упомянутого выше утверждения Б. О. Долгих и В. А. Туголукова о наименовании сородичей Гантимура также «лелюлями» («лелеями», «люлениями»), то оно представляется ошибочным. К. И. Москвитин и Арчеул указывали, что лелюли обитали в самых верховьях р. Шилки, там, где она образуется в результате слияния рек Онона и Ингоды [Дополнения..., 1848, с. 174; Сборник..., 1960, с. 114]. Местом же жительства нелюдов, согласно показаниям русских служилых людей, были также верховья Шилки, но ниже по течению – в районе между устьями рек Нерчи и Куенги [Красноштанов, 2008, с. 263]¹⁷. По свидетельству Гантимура (зафиксированному Н. Спафарием в 1676 г.), «он и прародители ево родились на Нерче» [Русско-китайские отношения..., 1969, с. 498]. Позже, в 1684 г., в своих расспросных речах перед енисейским воеводой К. О. Щербатым Гантимур дал более широкие географические координаты местообитания своего рода: «а жил де он, Гантимур, преж сего в Даурской земле по великой реке Шилке»¹⁸. Однако нерчинские служилые люди И. М. Милованов и С. Г. Молодой, сопровождавшие Гантимура из Нерчинска в Москву, в своих показаниях 1685 г. в Сибирском приказе указали именно на район р. Нерчи: «В прошлых годех из давних лет как даурские остроги за великими государями и не были, и в то де время з Байкала из Баргузинского острогу ходили в Даурскую землю на Нерчу реку служилые люди в улусы к нему, князю Гантимуру, для збору ясачные соболиные казны»¹⁹. На эту территорию (где уже был построен русскими Нерчинский острог) нелюды во главе с Гантимуром и вернулись в 1666/67 г. [Русско-китайские отношения..., 1969, с. 275].

Лелюли же (которые, видимо, как и нелюды, к концу 1650-х гг. ушли в маньчжурские пределы, а затем вернулись) в 1665/66 г. были призваны в ясачный платеж «к Селенге, на усть Уды реки, к ясачному зимовью», причем они были четко этнически идентифицированы – «тунгусы Люленского роду» [Сборник..., 1960, с. 235]. Переселение лелюлей и нелюдов во второй половине 1660-х гг. в разные и находящиеся на значительном удалении друг от друга районы Забайкалья свидетельствует о том, что, несмотря на некоторое созвучие этнонимов, это были всё же различные роды. В. И. Огородников высказал версию о принадлежности «лелюлей» к северной группе тунгусоязычных торгачин (таргачин), родственных даурам и живших на р. Аргуни [Огородников, 1927, с. 13].

¹⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 29, 326, 338, 342, 345; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 300, 329 об.

¹⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1355. Л. 61.

¹⁹ Там же. Л. 133.

Приведенные нами свидетельства об отличии нелюдов от тунгусов следует, однако, дополнить указанием на то, что первые обитали по соседству со вторыми. Согласно донесениям землепроходцев и воевод середины XVII в., в верховьях Шилки и на ее притоках рядом с нелюдами проживали собственно тунгусские роды, а «Нелютцкая земля» находилась среди «тунгусских земель». Так, в частности, казаки, посланные в 1650/51 г. из Баргузинского острога на р. Шилку, позднее рассказали енисейскому воеводе А. Ф. Пашкову: «пала в ту реку Шилку сторонняя река Нерчь, а по обе де стороны великие реки Шилки и по реке Нерче живут тунгусы многие же люди» [Сборник..., 1960, с. 191].

После 1673 г. из русских документов исчезло упоминание нелюдов, а несколькими годами ранее русская сторона начала идентифицировать тех, кто вернулся с Гантимуром на р. Нерчу, однозначно как тунгусов. Впервые такая идентификация, как говорилось выше, встречается в отписках 1670 и 1673 гг. Д. Д. Аршинского. В последующее время во всех русских документах люди, принадлежавшие к «роду» Гантимура, назывались тунгусами. Более того, сам Гантимур, его потомки и подвластные им «улусники» стали рассматриваться как члены Дуликагирского рода конных тунгусов. Первые известные нам упоминания об их принадлежности к Дуликагирскому роду содержатся в распоряжении нерчинского приказчика П. Я. Шульгина, направленном в 1676 г. приказчику Албазинского острога Ф. Евсевьеву²⁰, в окладных ясачных книгах 1676/77, 1677/78 гг. [Паршин, 1844, ч. 2, с. 207] и 1688/89 г. [Сибирские города..., 1886, с. 3]. С конца XVII – начала XVIII в. Гантимур и некоторые из его прямых потомков мужского пола (получивших от русских фамилию «Гантимуровы») стали фигурировать как «лучшие» и «начальные люди» либо некой территориальной группы нерчинских тунгусов [Русско-китайские отношения..., 1969, с. 498]²¹, либо конкретно Дуликагирского рода [Туголуков, 1975, с. 98–99, 102], либо даже всех нерчинских конных тунгусов [Избрант, 1967, с. 150].

В источниках не содержится ответ на вопрос, почему нелюды после возвращения на «родовые» земли «превратились» в дуликагир. Более того, совершенно неясно, откуда взялись дуликагиры. Судя по присутствию в этнониме характерного для названий тунгусских родов аффикса -гир, они были тунгусами²². Б. О. Долгих, описывая этническую ситуацию в Забайкалье в середине XVII в., уверенно утверждал, что дуликагиры (вместе с баягирами) входили в состав «нелюдей» (нелюдов), а дуликагир даже «иногда называли Нелюдским родом» [Долгих, 1960, с. 336, 340]. Исходя из этого, он, а вслед за ним и некоторые исследователи обозначали тунгусский род, подвластный Гантимуру в указанное время, как Дуликагирский [Туголуков, 1975, с. 80, 96; Шубин, 1973, с. 33, 35; Жамсаранова, 2018, с. 182]. Но это утверждение (об идентичности нелюдов и дуликагир) представляется весьма сомнительным, поскольку ни в одном введенном в научный оборот источнике ни дуликагиры, ни Дуликагирский род до 1670-х гг. не упоминаются, по крайней мере применительно к Восточному Забайкалью.

Тот же Б. О. Долгих выдвинул версию, что дуликагиры имели также самоназвания «дулары» [Долгих, 1960, с. 344]. На взаимозаменяемость этнонимов «дуликагиры» и «дулары» указывали и другие исследователи [Туголуков, 1975, с. 102; Тиваненко, 2011, с. 53]. Но эта версия опять же противоречит известным фактам. Впервые дулары упоминаются в ясачной книге 1653–1654 г. П. И. Бекетова как люди, хотя и подвластные Гантимуру, но самостоятельные по отношению к нелюдам²³, которые, по мнению Б. О. Долгих, являлись дуликагирами. При этом дулары, несмотря на тюркское звучание своего этнонима [Туголуков, 1975, с. 102], однозначно отнесены Бекетовым к тунгусским родам. В последующее время дулары фигурируют как отдельный род, не подвластный Гантимуровым. В частности, в «Ведомости

²⁰ НИА СПб. Ф. 96. Оп. 1. Д. 38. Л. 3.

²¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1388. Л. 84–84 об., 85 об.

²² В. А. Туголуков, правда, указал на то, что дуликагиры по своему происхождению, возможно, были связаны с древними тюрками [Туголуков, 1980, с. 163].

²³ СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 27. Л. 326.

Нерчинской воеводской канцелярии» 1735 г. наряду с Дуликагирским упоминается и Дуларский род [Элерт, 2018, с. 280, 285]. Иначе говоря, в источниках конца XVII – XVIII в. дулары и дуликагиры воспринимались русской стороной как отдельные самостоятельные роды, а их этнонимы не являлись взаимозаменяемыми, соответственно дуликагиры не были дуларами и наоборот²⁴. И лишь спустя время, с конца XVIII в., Дуларский род стал фигурировать среди тех тунгусских родов, которые находились под административным управлением Гантимуровых (но опять же наряду с Дуликагирским / Дулигарским родом) [Туголуков, 1975, с. 103; Жамсаранова, 2018, с. 40, 43, 53, 59, 183].

В целом известные нам исторические свидетельства не дают никаких фактов, опираясь на которые можно было развернуто и аргументированно объяснить буквально одномоментное «превращение» нелюдов в дуликагир. Но в любом случае принятие в качестве обозначения родовой принадлежности явно тунгусского этнонима означало признание Гантимуром и его сородичами своей включенности в состав нерчинских тунгусов. Следует, правда, еще раз обратить внимание на то, что ни сам Гантимур, ни его прямые потомки до начала XVIII в. ни в каких свидетельствах, исходивших от них самих, не причисляли себя к Дуликагирскому или какому-либо иному тунгусскому роду. Упоминания же о принадлежности Гантимуровых к Дуликагирскому роду в последней трети XVII в. присутствует лишь в документах, составленных русской стороной. В связи с этим можно высказать следующую гипотезу.

До определенного времени русские ничего не знали о дуликагирах, поскольку те обитали вне их досягаемости, на территории, подконтрольной маньчжурам – на р. Наун²⁵. В конце 1660-х – первой половине 1670-х гг. они, как и многие другие тунгусские роды, вслед за нелюдами группами разной численности и в разное время перекочевали на реки Нерчу и Аргунь, были обложены ясаком и внесены в ясачные книги [Сибирские города..., 1886, с. 7; Туголуков, 1975, с. 80, 96; Элерт, 2018, с. 280, 285]. По сведениям челобитной Лариона и Лазаря Гантимуровых, поданной в 1710 г., одну из групп дуликагир – выходцев из маньчжурского Китая, пришедших под Аргунский острог, возглавлял «начальный человек зайсан Бокой», который являлся «сродником» Гантимура [Высочайше учрежденная..., 1898, Приложения, с. 20]. С большой долей вероятности можно полагать, что этот же Бокой значится в нерчинской ясачной книге 1688/89 г. как «выезжий из Китая Дуликагирского роду» [Сибирские города..., 1886, с. 7]. А поскольку с самим Гантимуром вернулось всего 40 человек [Русско-китайские отношения..., 1969, с. 275; Элерт, 2018, с. 280]²⁶, которые в значительном числе являлись его ближайшими родственниками (братьями, женами, детьми и внуками)²⁷, то нерчинская администрация приписала их к дуликагирам. Почему именно к ним, непонятно, но, возможно, по той причине, что Бокой являлся родственником Гантимура, а нелюды после ухода во второй половине 1650-х гг. в маньчжурские пределы обитали там же, где и дуликагиры – на р. Наун. Со временем, уже в XVIII в., в силу разных обстоятельств (которые требуют специального изучения) Гантимуровы возглавили Дуликагирский род.

Гантимур – тунгус или монгол?

С этнической принадлежностью самого Гантимура неясностей не меньше, чем с нелюдями. В русских документах первой половины 1650-х гг. он упоминался либо как просто кня-

²⁴ Это не исключает того, что, судя по наличию в этнонимах одинаковой части корня *дул-*, оба этих рода генетически были связаны между собой.

²⁵ Река Наун, она же Нонни, ныне – р. Нэньцзян, приток р. Сунгари.

²⁶ Данные о малой численности людей, пришедших с Гантимуром, подтверждаются тунгусскими преданиями, бытовавшими в XVIII в.: «предания же прочих тунгусских родов свидетельствуют, что он с юго-восточной стороны (из маньчжурских владений. – А. З.) с весьма малым числом людей плыл на плоту, сделанном из бревен, вниз по Онону и из оного уже вошел в реку Шилку» [О тунгусах..., 1790, с. 319].

²⁷ Сам Гантимур сообщал, что на момент прихода под Нерчинск он имел, помимо прочих «родишков», 8 сыновей (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1355. Л. 66). По сведениям русского посланника в Китай Н. Спафария, у Гантимура в 1676 г. было 9 жен и «детей больше 30-ти» [Русско-китайские отношения..., 1969, с. 498].

зец без родовой привязки, либо как князец-глава Нелюдского рода [Сборник..., 1960, с. 205]²⁸, который, как правило, воспринимался землепроходцами самостоятельной (отдельной от тунгусов) этнотерриториальной группой. И только после возвращения в 1666/67 гг. на «породные» земли Гантимур стал четко идентифицироваться русской стороной как тунгус [Дополнения..., 1867, с. 233; Русско-китайские отношения..., 1969, с. 275, 381, 485, 498; 1972, с. 432; Полное собрание..., 1987, с. 175]²⁹. Да и сам Гантимур и его сын Катанай в своей челобитной 1684 г. назвали себя «тунгускими князцами»³⁰. При этом, как уже говорилось, ни в одном русском документе 1670-х – первой половины 1680-х гг. не указана принадлежность Гантимура и его ближайших родичей к какому-либо тунгусскому роду. Она появляется лишь к концу XVII в., когда они начинают постепенно идентифицироваться как члены Дуликагирского рода.

Маньчжуры в своих посланиях к русским 1670 г., а также на переговорах с Н. Спафарием в 1676 г. (если верить переводу их речей и писем на русский язык посредством тунгусо-маньчжурского, монгольского и даже латинского языков) обозначали Гантимура как тунгуса [Русско-китайские отношения..., 1969, с. 454, 475, 498] или солона [Журнал..., 1823, с. 37, 55; Ивановский, 1888, с. 205, 211, 213]. Солоны же – это те же тунгусы (эвенки), но уже в XVII в. сильно монголизированные в языковом и культурном отношении. Они проживали в бассейне р. Наун, на верхнем Амуре и в южной части бассейна р. Зеи. Маньчжуры называли солонями не только собственно солонцов, но также дауров и тунгусов Приамурья [Шренк, 1883, с. 193, 296; Широкогоров, 2017, с. 250; Wallenböck, Zikmundová, 2021, p. 11, 12]. В 1682 г. (со слов «мунгальских людей», записанных толмачем Г. Росторгуевым) «китайские люди» назвали Гантимура тунгусом [Дополнения..., 1867, с. 233]. На переговорах с Ф. А. Головиным в 1689 г. маньчжуры людей «Гайтимурова родства» причисляли к тунгусам [Русско-китайские отношения..., 1972, с. 549, 551].

В официальных документах русские к именам и титулам Гантимура (в крещении Петр), Катаная (Павел) и Чекулая (Василий) иногда добавляли географическую привязку «даурский»: «даурский князец», «даурские князцы»³¹. Это дало основание В. А. Туголукову считать, что «эпитет “даурский” перед именем Гантимура можно воспринимать именно как указание на его даурское происхождение» [Туголуков, 1975, с. 101]. Но это явно ошибочная интерпретация. Прилагательное «даурские» применительно к Гантимуру и его ближайшей родне имело исключительно географическое значение, оно означало «принадлежность» к Даурии – территории, к которой русские относили не только Приамурье, но и южную часть Восточного Забайкалья. По этому же географическому принципу и русские остроги, расположенные в данном регионе, часто назывались «даурскими». «Даурскими» обобщенно маркировались и русские казаки, несшие службу в разных острогах на Амуре и в Восточном Забайкалье.

Изложенные выше сведения о Гантимуре, казалось бы, позволяют признать его тунгусом. Однако есть обстоятельства, которые вызывают сомнения в однозначности такой этнической идентификации. Этимологический анализ имени Гантимур показал, что оно при возможном тунгусо-маньчжурском происхождении (*ганат-ми-р* – ‘стрелок из лука’, ‘человек, владеющий крепким как железо луком’, или «*кан-та-мур*» – ‘царский (правящий) на устье воды’), имеет скорее всего монгольские корни: *гантэмөр* – ‘сталь, булат’, ‘человек со стальными силой и волей’ [Зуев, 2013]³². Выявленные нами в разных документах имена братьев, сыновей и внуков Гантимура также имеют не вполне отчетливое «этническое» звучание – то ли тунгусо-маньчжурское, то ли монгольское, то ли еще какое.

²⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 343. Л. 95; Стб. 508. Л. 338, 341; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 286, 299 об., 300, 301, 329 об.

²⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1355. Л. 59, 63, 82, 94.

³⁰ Там же. Л. 66.

³¹ Там же. Л. 61, 67, 71, 72, 102, 103, 106, 108, 111, 112, 132.

³² См. также: <http://arun-rb.ru/gantimur.html> (дата обращения 22.11.2022).

На монгольскую «окраску» Гантимура вроде бы указывает «титულიная» приставка к его имени – «улан», встречающаяся в показаниях «даурских языков», опрошенных Е. Хабаровым в 1651 г.: «неясной князь Гантимур улан». *Улаан, улаган* в монгольском языке означает «красный, алый, румяный». Но не исключено, что этот «титул» (применительно конкретно к Гантимуру) мог произойти и от тунгусского слова *олан* – «способный, талантливый человек, мастер своего дела», или *олāни* – «лук-самострел» [Зуев, 2013, с. 246]. В документах, исходящих от русских землепроходцев после 1651 г. и русской администрации после 1655 г., приставка «улан» к имени Гантимура уже не встречается. Не употреблял ее и сам Гантимур в своих челобитных и показаниях 1684 г.

В связи с «привязкой» к имени Гантимура «титула» *улан* обратим внимание на следующий факт: в одной из своих отписок (отправленной в Сибирский приказ до 29 июля 1658 г.) даурский воевода А. Ф. Пашков сообщил о нападении на отряд служилых людей, стоявший у р. Хилок, неких «мунгалских тунгусов», их разгроме и взятии в плен их «начальнова человека» – «мунгалсково тунгуса красново улана шуленгу»³³. Эту информацию можно интерпретировать следующим образом: «мунгалские тунгусы» – это тунгусы, ведущие монгольский (скотоводческий) образ жизни, т. е. так называемые конные тунгусы, и некоторые их предводители называли себя на монгольский манер «уланами» и «шуленгами»³⁴. Это дает основание утверждать, что «титулование» Гантимура уланом не является убедительным указанием на его принадлежность к монголам.

Среди прочих (некровных) родственников Гантимура в начале 1650-х гг. встречались представители как тунгусов (шурин Болдоной – князец Чемамагирского рода)³⁵, так и дауров (шурин Тыгичей Шилгинеев сын)³⁶. Соответственно, одна жена Гантимура была тунгуской, другая – дауркой. По мнению В. А. Туголукова, факт женитьбы Гантимура на даурской женщине является одним из «указаний на его даурское происхождение» [Туголуков, 1975, с. 101]. Однако это «указание» представляется весьма сомнительным. Наличие жены-даурки еще не говорит о том, что Гантимур был дауром. Браки между тунгусами и даурами, видимо, не были редкостью. Укажем, в частности, на то, что зятем известного даурского князья Лавкая был тунгус Чанкаша [Акты..., 1842, с. 75]. К тому же другая жена Гантимура была тунгуской. Да и вообще у него было несколько жен.

Информация, зафиксированная в более поздние времена, существенно расширяет круг «родников» Гантимура. Так, Н. Спафарий в 1676 г. был уверен в том, что «таргачинские мужики», обитавшие на р. Яла, были «з Гайтимуром и с сынами нерчинскими тунгусами сродники» (имеется в виду, видимо, этнокультурное «родство») [Русско-китайские отношения..., 1969, с. 455]. Он же сообщил, что бывший при нем «вож тунгус Токултай» являлся племянником Гантимура и одно время «жил он в Таргачинах» [Там же, с. 434]. В марте 1692 г. Катанай утверждал, что «мунгалы» Улятского рода – «Амур-зайсан, шуленги и улусные люди», перешедшие в российское подданство, являются его «родниками»³⁷. Но уляты были не монголами, а тунгусами, хотя сильно монголизированными, в силу чего идентифицировались русскими как монголы [Долгих, 1960, с. 335–338, 340, 348]. В 1705 г. внук Гантимура Бишенга утверждал, что «род де деда и отца их иноземцы Дуликагирского, Баягирского, Уляцкого, Калтагирского... родов»³⁸. В 1710 г. еще одни внуки, Ларион и Лазарь, поведали в своей челобитной, что их дед некогда «письмом призвал под... великого государя самодержавную руку сродника своего с Науна начального человека зайсана Бокоя со всеми ево сродниками» [Высочайше учрежденная..., 1898, Приложения, с. 20]. Этот Бокой, как говорилось выше,

³³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 318, 324.

³⁴ Заметим, что титул / звание «шуленга» в последующее время получил распространение применительно к главам тунгусских родов Восточного Забайкалья [Долгих, 1960, с. 334–350].

³⁵ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 300; Д. 27. Л. 324.

³⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 21, 27, 29, 30.

³⁷ Там же. Оп. 4. Стб. 144. Л. 322.

³⁸ Там же. Оп. 1. Кн. 1388. Л. 84 об., 85.

вероятно, возглавлял какую-то группу дуликагир. Но сами дуликагиры, судя по их именам, зафиксированным в ясачной книге 1688/89 г., были заметно монголизированы [Сибирские города..., 1886, с. 3–4, 7].

Н. Спафарий в 1676 г. записал, что у Гантимура было 9 жен [Русско-китайские отношения..., 1969, с. 498]. Казаки Ф. Усолец и И. Коркин в своих расспросных речах в Сибирском приказе в 1681 г. сообщили о 7 женах³⁹. Но факт многоженства также не проливает свет на этничность Гантимура, поскольку наличие многих жен было распространенным явлением среди властной и зажиточной элиты почти всех коренных народов Северной и Центральной Азии, включая говорящих на монгольском, тюркском и тунгусо-маньчжурском языках (у собственно тунгусов оно фиксируется еще и в XVIII–XIX вв.).

Выводы

Всё вышеизложенное позволяет прийти к заключению, что имеющиеся на настоящий момент в распоряжении исследователей краткие и неоднозначные сведения о Гантимуре и подвластных ему нелюдах не позволяют дать их точную и бесспорную этническую идентификацию. Дошедшая до нас информация свидетельствует, что поначалу, в 1650-х гг., русские воспринимали «Нелюдский род» Гантимура преимущественно как особое этнотерриториальное объединение и обычно не включали его в состав какого-либо известного им народа Восточного Забайкалья и Приамурья, как, например, тунгусов, дауров или монголов. Исключения представляют лишь ясачные книги П. И. Бекетова, в которых нелюды отнесены к тунгусам. Но позже, со второй половины 1660-х гг., и Гантимур, и его ближайшие родственники, и нелюды в различных документах и описаниях стали определенно маркироваться как тунгусы. Такая этническая «метаморфоза» не является чем-то особенным для данного региона, где с древнейших времен наблюдалась интенсивная миграция разноязычных народов (в основном тюрков, тунгусо-маньчжуров и монголов), приводившая к их этнокультурному смешению, полной или частичной взаимной ассимиляции. В историко-этнографической и историко-лингвистической литературе до сих не утихают (и, видимо, никогда не прекратятся) дискуссии об этнической принадлежности многих восточно-забайкальских «родов», зафиксированных русскими в XVII в.

Ответить на вопрос, с какими субэтническими группами генетически был связан Гантимуров род, вряд ли возможно вообще. Мы же, опираясь на проведенный анализ сохранившихся источников, укажем на то, что в «этнокультурном» облике нелюдов и Гантимура в период знакомства с ними русских (во второй половине XVII в.) вполне заметны два субстрата – тунгусский (или шире – тунгусо-маньчжурский) и монгольский. Это дает основание предположить, что нелюдов и Гантимура (как, кстати, и значительную часть нерчинских конных тунгусов) в равной степени можно считать как изначально монголоязычной этнотерриториальной группой, но отунгушенной⁴⁰, так и тунгусо-маньчжуроязычной, но сильно монголизированной (о монголизации забайкальских тунгусов см: [Шубин, 1973, с. 43; Туголуков, 1975, с. 103–110]). Второй вариант представляется более вероятным. Выше приводилась цитата из отписки Д. Д. Аршинского в Сибирский приказ 1670 г. по поводу перехода Гантимура в российское подданство: «родом тунгус Нелюдцково роду Гантимур». Слово сочетание «родом тунгус» представляется не случайным. Аршинский не просто назвал Гантимура тунгусом, но счел необходимым (опираясь, скорее всего, на показания самого Гантимура) специально акцентировать внимание на его принадлежности к тунгусам по рождению.

³⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 720. Л. 22.

⁴⁰ Исследователи указывают, что тунгусский (эвенкийский) этнос появился в результате сложного процесса взаимодействия и интеграции разноязычных этнокультурных групп. В Забайкалье в сложении этого этноса (точнее его субэтнических групп) помимо собственно тунгусов приняли участие отчасти древние тюрки и самодийцы, но особенно активно монголоязычные этнотерриториальные образования, возникшие после распада державы Чингисхана из осколков монгольского суперэтноса.

Сделал он это, надо полагать, потому что на собственно тунгуса Гантимур не очень-то был похож. Известно, в частности, что глава Нелюдского рода, как и его сын Катанай предпочитали общаться на монгольском языке: во время их поездки в Москву в 1685 г. их сопровождал толмач с монгольского языка, в 1695 г. Катанай написал «две сказки на мунгальском языке» [Туголуков, 1975, с. 101]. О большей близости нелюдов и Гантимура к тунгусам, нежели к другим народам Восточного Забайкалья явно свидетельствует и тот факт, что после их возвращения из Маньчжурии они вполне однозначно идентифицировались как тунгусы – и русской стороной, и Гантимуром, и его потомками, и даже маньчжурами.

Список литературы

- Артемьев А. Р.** России верное служение (Род князей Гантимуровых) // Забытые имена. Владивосток, 1995. Вып. 1. С. 47–59.
- Бродников А. А.** Енисейский острог. Енисейск в XVII веке: Очерки из истории города и уезда. Красноярск: Енисейский благовест, 1994. 142 с.
- Георги И. Г.** Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб.: Русская симфония, 2005. 799 с.
- Дамдинов Д. Г.** О предках Гантимуровых (титованных князей и дворян по московскому списку). Улан-Удэ, 1996. 94 с.
- Долгих Б. О.** Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 621 с.
- Жамсаранова Р. Г.** Онимы Нелюдский острог (Нерчинский острог), Никанское царство и государство Гоу-Го в аспекте цивилизационных процессов Северной Азии // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2014. № 2. С. 42–51.
- Жамсаранова Р. Г.** Тунгусы князя Гантимура. Чита: ЗабГУ, 2018. Ч. 1. 252 с.
- Зуев А. С.** Хан Тимур, булат или стрелок из лука: к этимологии имени тунгусского князя Гантимура // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 5. С. 242–254.
- Иванчик С. Н., Кононенко Н. И.** Князь Е. И. Гантимуров (тайны происхождения рода). Новосибирск: Изд-во Сиб. гос. ун-та водн. трансп., 2016. 99 с.
- Карнович Е. П.** Замечательные богатства частных лиц в России. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1885. 2, VI, 330 с.
- Красноштанов Г. Б.** Ерофей Павлович Хабаров. Хабаровск: РИОТИП, 2008. 752 с.
- О тунгусах вообще // Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. СПб.: Имп. АН, 1790. Ч. 6. С. 282–325.
- Огородников В. И.** Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в. Владивосток: Тип. Гос. Дальневост. ун-та, 1927. 91 с.
- Паршин В. П.** Поездка в Забайкальский край. М.: Тип. Н. Степанова, 1844. Ч. 1. 143 с.; Ч. 2. 208 с.
- Патканов С. К.** Опыт географии и статистики тунгусских племен на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. СПб.: Тип. АО «Слово», 1906. Ч. 1. Вып. 2. [2], 283, [4] с.
- Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В.** Этимологический словарь монгольских языков. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2016. Т. 2. 229 с.
- Соломин А. В.** Князья Гантимуровы. М.: Старая Басманная, 2016. 276, XVI с.
- Спасский Г. И.** Исторические сведения о сибирских тунгусах вообще и о забайкальских в особенности // Сибирский вестник. 1822. Ч. 18. С. 21–30 (339–348).
- Спасский Г. И.** Сведения русских о реке Амуре в XVII столетии // Вестник Имп. Рус. геогр. об-ва. 1853. Ч. 7. Вып. 2. Отд. 2. С. 15–42.
- Тиваненко А. В.** Древняя земля Баргуджин-Токум // Баргуджин-Токум. 2011. № 1. С. 43–60.
- Туголуков В. А.** Конные тунгусы (Этническая история и этногенез) // Этногенез и этническая история народов Севера. М.: Наука, 1975. С. 78–110.

- Туголуков В. А.** Этнические корни тунгусов // Этногенез народов Севера. М.: Наука, 1980. С. 152–176.
- Уварова Т. Б.** Между двумя империями: нерчинские тунгусы князей Гантимуровых // Кунсткамера, 2022. № 2. С. 57–68.
- Ураи-Кёхальми К.** К вопросу об образовании кочевых государств (на материалах даурской племенной конфедерации XVII в.) // Урало-алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск: Наука, 1985. С. 124–129.
- Цыбенков Б. Д.** История и культура дауров Китая. Историко-этнографические очерки. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2012. 252 с.
- Широкогоров С. М.** Социальная организация северных тунгусов. М.: Наука, 2017. 710 с.
- Широкогорова Е. Н.** Северо-Западная Маньчжурия. Географический очерки по данным маршрутных наблюдений // Учен. зап. ист.-филол. факультета в г. Владивостоке. Владивосток, 1919. Т. 1. Отд. 1. С. 109–148.
- Шренк Л. И.** Об инородцах Амурского края. СПб.: Тип. Имп. АН, 1883. Т. 1. XII, 323 с.
- Шубин А. С.** Краткий очерк этнической истории эвенков Забайкалья (XVII–XX вв.). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. 108 с.
- Элерт А. Х.** Новые материалы к биографии тунгусского князя Гантимура // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2000. С. 416–421.
- Chen A. F.-Ch.** China's Northern Frontiers: Historical Back-ground. *The Yenching Journal of Social Studies*, 1948, vol. 4, no. 1, pp. 15–87.
- Chen V.** Sino-Russian Relations in the Seventeenth Century. Dordrecht, Springer, 1966, X, 147 p.
- Dumbravă D.** The first political borders of the Eurasian continent at the northern “entrances” to the Son of Heaven? In: Tomás Pereira, S. J. (1646–1707). *Life, work and world*. Lisboa, Centro Científico e Cultural de Macau, 2010, pp. 317–352.
- Janhunen J.** Manchuria: an ethnic history. Helsinki, Finno-Ugrian Society (Suomalais-Ugrialainen Seura), 1996, XIV, 335 p.
- Kim L. E.** Ethnic Chrysalis: China's Orochen People and the Legacy of Qing Borderland Administration. Cambridge, MA, Harvard Uni. Press, 2019, 364 p.
- Lavrilier A., Dumont A., Brandišauskas D.** Human-nature relationships in the Tungus societies of Siberia and Northeast China. In: *Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines*, 2018, vol. 49, pp. 1–27.
- Wallenböck U., Zikmundová V.** The Daur at the Sino-Russian Borderlands: A Brief Introduction. *Studia Orientalia Slovaca*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 1–45.

Список источников

- Акты исторические. СПб.: Тип. II-го Отделения Собств. Е. И. В. канцелярии, 1842. Т. 4. 592 с.
- Высочайше учрежденная под председательством статс-секретаря Куломзина комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. Материалы. СПб.: Гос. тип., 1898. Вып. 5. 325 с.
- Дополнения к актам историческим. СПб.: Тип. Э. Праца, 1848. Т. 3. VII, 539, 7, 9 с.; 1867. Т. 10. VIII, 504 с.
- Журнал, веденный в Пекине по случаю прибытия из России посланника Николая Гавриловича Спафария, отправленного по высочайшему Его Царского Величества указу в 1676 году, царствования китайского Хуандия Кансия в 15 лето: Пер. с маньчж. // Сибирский вестник. 1823. Ч. 3. С. 29–100.
- Ивановский А.** Посольство Спафария // Зап. Вост. отд-ния Имп. Рус. археол. об-ва. СПб.: Тип. Имп. АН, 1888. Т. 2. С. 81–124, 195–220.
- Избрант Идес, Адам Бранд.** Записки о посольстве в Китай (1692–1695). М.: Наука, 1967. 403 с.

- Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1987. Т. 36. Ч. 1. 382 с.
- Русско-китайские отношения в XVII в.: Материалы и документы. М.: Наука, 1969. Т. 1. 614 с.; 1972. Т. 2. 835 с.
- Сборник документов по истории Бурятии. Улан-Удэ, 1960. 493 с.
- Сибирские города. Материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1886. 146 с.
- Элерт А. Х.** Ведомости Нерчинской воеводской канцелярии о родовом составе, численности, расселении и ясачных платежах коренного населения уезда (1735 г.) // Традиции русской духовной культуры в памятниках письменности XVI–XX вв. Новосибирск, 2018. С. 271–289.

References

- Artemiev A. R.** Rossii vernoe sluzhenie (Rod knyazei Gantimurovykh) [Faithful Service to Russia (Clan of the Gantimurov Princes)]. In: Zabytye imena [Forgotten Names]. Vladivostok, 1995, pp. 47–59. (in Russ.)
- Brodnikov A. A.** Eniseisky ostrog. Eniseisk v XVII veke: Ocherki iz istorii goroda i uyezda [Enisei Ostrog. Eniseisk in the 17th Century: Essays from the History of the City and County]. Krasnoyarsk, Eniseiskii blagovest, 1994, 142 p. (in Russ.)
- Chen A. F.-Ch.** China's Northern Frontiers: Historical Back-ground. *The Yenching Journal of Social Studies*, 1948, vol. 4, no. 1, pp. 15–87.
- Chen V.** Sino-Russian Relations in the Seventeenth Century. Dordrecht, Springer, 1966, X, 147 p.
- Damdinov D. G.** O predkakh Gantimurovykh (titulovannykh knyazei i dvoryan po moskovskomu spisku) [On the Ancestors of the Gantimurovs (Princely Families and Nobility according to the Moscow List)]. Ulan-Ude, 1996, 94 p. (in Russ.)
- Dolgikh B. O.** Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri v XVII v. [Clan and Tribal Composition of the Peoples of Siberia in the 17th Century]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960, 621 p. (in Russ.)
- Dumbravă D.** The first political borders of the Eurasian continent at the northern “entrances” to the Son of Heaven? In: Tomás Pereira, S. J. (1646–1707). Life, work and world. Lisboa, Centro Científico e Cultural de Macau, 2010, pp. 317–352.
- Elert A. Kh.** Novye materialy k biografii tungusskogo knyazyza Gantimura [New Materials for the Biography of the Tungus Prince Gantimur]. In: Problemy istorii, russkoi knizhnosti, kul'tury i obshchestvennogo soznaniya [Problems of History, Russian Book-Learning, Culture and Collective Consciousness]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf, 2000, pp. 416–421. (in Russ.)
- Georgi I. G.** Opisanie vsekh obitayushchih v Rossiiskom gosudarstve narodov [Description of All the Peoples Living in the Russian State]. St. Petersburg, Russkaya simfoniya, 2005, 799 p. (in Russ.)
- Ivanchik S. N., Kononenko N. I.** Knyaz' E. I. Gantimurov (tainy proiskhozhdeniya roda) [Prince E. I. Gantimurov (Secret of the Clan's Origin)]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta vodnogo transporta, 2016, 99 p. (in Russ.)
- Janhunen J.** Manchuria: an ethnic history. Helsinki, Finno-Ugrian Society (Suomalais-Ugrilainen Seura), 1996, XIV, 335 p.
- Karnovich E. P.** Zamechatel'nye bogatstva chastnykh lits v Rossii [Extraordinary Wealth among Private Individuals in Russia]. St. Petersburg, Izdaniye A. S. Suvorina, 1885, 2, VI, 330 p. (in Russ.)
- Kim L. E.** Ethnic Chrysalis: China's Orochen People and the Legacy of Qing Borderland Administration. Cambridge, MA, Harvard Uni. Press, 2019, 364 p.
- Krasnoshtanov G. B.** Erofey Pavlovich Khabarov [Erofey Pavlovich Khabarov]. Khabarovsk, RIOTIP, 2008, 752 p. (in Russ.)

- Lavrilier A., Dumont A., Brandišauskas D.** Human-nature relationships in the Tungus societies of Siberia and Northeast China. In: *Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines*, 2018, vol. 49, pp. 1–27.
- O tungusakh voobshche [On the Tungus in General]. In: *Sobranie sochinenii, vybrannykh iz mesyatseslovov na raznye gody* [Collection of Works Selected from Monthly Books for Different Years]. St. Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk, 1790, pt. 6, pp. 282–325. (in Russ.)
- Ogorodnikov V. I.** Tuzemnoe i russkoe zemledelie na Amure v XVII v. [Native and Russian Agriculture on the Amur in the 17th Century] Vladivostok, Tipografiya Gosudarstvennogo Dal'nevostochnogo universiteta, 1927, 91 p. (in Russ.)
- Parshin V. P.** Poezdka v Zabaikal'sky kraj [A Trip to the Trans-Baikal Territory]. Moscow, Tipografiya N. Stepanova, 1844, pt. 1, 143 p.; pt 2, 208 p. (in Russ.)
- Patkanov S. K.** Opyt geografii i statistiki tunguskikh plemen na osnovanii dannykh perepisi naseleniya 1897 g. i drugikh istochnikov [Geographic and Statistical Data on the Tungus Tribes Based on the census of 1897 and other sources]. St. Petersburg, Tipografiya aktsionernogo obshchestva “Slovo”, 1906, pt. 1, iss. 2, [2], 283, [4] p. (in Russ.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V.** Etimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov [Etymological Dictionary of Mongolian Languages]. Moscow, Institut vostokovedeniya Rossiiskoi akademii nauk, 2016, vol. 2, 229 p. (in Russ.)
- Shirokogorov S. M.** Sotsial'naya organizatsiya severnykh tungusov [Social organization of the Northern Tungus]. Moscow, Nauka, 2017, 710 p. (in Russ.)
- Shirokogorova E. N.** Severo-Zapadnaya Man'chzhuriya. Geograficheskii ocherki po dannym marshrutnykh nablyudenii [North-Western Manchuria. Geographical Essays Based on the Route Observations]. In: *Uchenye zapiski istoriko-filologicheskogo fakul'teta v g. Vladivostoke* [Scientific notes of the Faculty of History and Philology in Vladivostok]. Vladivostok, 1919, vol. 1, ch. 1, pp. 109–148. (in Russ.)
- Shrenk L. I.** Ob inorodtsakh Amurskogo kraia [On “Foreigners” of the Amur Region]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 1883, vol. 1. XII, 323 p. (in Russ.)
- Shubin A. S.** Kratkii ocherk etnicheskoi istorii evenkov Zabaikal'ya (XVII–XX vv.) [A Brief Essay on the Ethnic History of the Evenks of Transbaikalia (17th – 20th Centuries)]. Ulan-Ude, Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1973, 108 p. (in Russ.)
- Solomin A. V.** Knyaz'ya Gantimurovy [The Gantimurov Princes]. Moscow, Staraya Basmannaya, 2016, 276, XVI p. (in Russ.)
- Spassky G. I.** Istoricheskie svedeniya o sibirskikh tungusakh voobshche i o zabaykal'skikh v osobennosti [Historical Information about Siberian Tungus in General and about Transbaikalian Tungus in Particular]. *Sibirskii vestnik* [Siberian Bulletin], 1822, pt. 18, pp. 21–30 (339–348). (in Russ.)
- Spassky G. I.** Svedeniya russkikh o reke Amure v XVII stoletii [Information by Russian about the Amur River in the 17th Century]. *Vestnik Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society], 1853, pt. 7, iss. 2, ch. 2, pp. 15–42. (in Russ.)
- Tivanenko A. V.** Drevnyaya zemlya Bargudzhin-Tokum [The Ancient Land of Bargudzhin-Tokum]. *Bargudzhin-Tokum*, 2011, no. 1, pp. 43–60. (in Russ.)
- Tsybenov B. D.** Istoriya i kul'tura daurov Kitaya. Istoriko-etnograficheskie ocherki [History and Culture of the Daurians of China. Historical and Ethnographic Essays]. Ulan-Ude, Izdatel'stvo VSGUTU, 2012, 252 p. (in Russ.)
- Tugolukov V. A.** Konnye tungusy (Etnicheskaya istoriya i etnogenez) [Nomadic Tungus (Ethnic History and Ethnogenesis)]. In: *Etnogenez i etnicheskaya istoriya narodov Severa* [Ethnogenesis and Ethnic History of the Indigenous Peoples of the North]. Moscow, Nauka, 1975, pp. 78–110. (in Russ.)

- Tugolukov V. A.** Etnicheskie korni tungusov [Ethnic Roots of the Tungus]. In: Etnogenez narodov Severa [Ethnogenesis of the Peoples of the North]. Moscow, Nauka, 1980, pp. 152–176. (in Russ.)
- Uray-Kóhalmi K.** K voprosu ob obrazovanii kochevykh gosudarstv (na materialakh daurskoi plemennoi konfederatsii XVII v.) [On the Issue of the Formation of Nomadic States (Based on the Materials of the Daurian Tribal Confederation of the 17th Century)]. In: Uralo-altaistika. Arkheologiya. Etnografiya. Yazyk [Ural-Altaiistics. Archeology. Ethnography. Language]. Novosibirsk, Nauka, 1985, pp. 124–129. (in Russ.)
- Uvarova T. B.** Mezhdv dvumya imperiyami: nerchinskie tungusy knyazei Gantimurovykh [Between Two Empires: The Tunguses of the Gantimurov Princes Family]. *Kunstkamera*, 2022, no. 2, pp. 57–68. (in Russ.)
- Wallenböck U., Zikmundová V.** The Daur at the Sino-Russian Borderlands: A Brief Introduction. *Studia Orientalia Slovaca*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 1–45.
- Zhamsaranova R. G.** Onimy Nelyudsky ostrog (Nerchinsky ostrog), Nikanskoe tsarstvo i gosudarstvo Gou-Go v aspekte tsvilizatsionnykh protsessov Severnoi Azii [Onym Nelyudsky Ostrog (Nerchinsky Ostrog), the Nikan Tsardom and the Chinese Gou-Go in the Aspect of Civilizational Processes on the Territory of North Asia]. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy* [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology], 2014, no. 2, pp. 42–51. (in Russ.)
- Zhamsaranova R. G.** Tungusy knyazya Gantimura [Tungus of Prince Gantimur]. Chita, Zabaykalskiy gosudarstvennyi universitet, 2018, pt. 1, 252 p. (in Russ.)
- Zuev A. S.** Khan Timur, bulat ili streluk iz luka: k etimologii imeni tungusskogo knyazya Gantimura [Khan Timur, Damask Steel or Archery: about the Etymology of the Name of the Tungusic Chieftain Gantimur]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2013, vol. 12, iss. 5, pp. 242–248. (in Russ.)

List of Sources

- Akty istoricheskie [Historical Acts]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. Kantselyarii, 1842, vol. 4, 592 p. (in Russ.)
- Dopolneniya k aktam istoricheskim [Addendums to Historical Acts]. St. Petersburg, Tipografiya E. Pratsa, 1848, vol. 3, VII, 539, 7, 9 p.; 1867, vol. 10, VIII, 504 p. (in Russ.)
- Elert A. Kh.** Vedomosti Nerchinskoi vovodskoi kantselyarii o rodovom sostave, chislennosti, rasselenii i yasachnykh platezhakh korenogo naseleniya uezda (1735 g.) [The Source Book of the Nerchinsk Voivodship Chancellery on the Family Structure, Population Size, Settlement and Yasak Tribute of the Indigenous People of the County (1735)]. In: Traditsii russkoi dukhovnoi kul'tury v pamyatnikakh pis'mennosti XVI–XX vv. [Traditions of Russian Intangible Culture in the Written Sources of the 16th – 20th Centuries]. Novosibirsk, 2018, pp. 271–289. (in Russ.)
- Ivanovsky A.** Posol'stvo Spafariya [The Spathari's Embassy]. In: Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva [Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1888, vol. 2, pp. 81–124, 195–220. (in Russ.)
- Izbrant Ides, Adam Brand.** Zapiski o posol'stve v Kitai (1692–1695) [Notes on the Embassy to China (1692–1695)]. Moscow, Nauka, 1967, 403 p. (in Russ.)
- Polnoe sobranie russkikh letopisei [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, Nauka, 1987, vol. 36, pt. 1, 382 p. (in Russ.)
- Russko-kitaiskie otnosheniya v XVII v.: Materialy i dokumenty [Russo-Chinese Relations in the 17th century: Materials and Documents]. Moscow, Nauka, 1969, vol. 1, 614 p.; 1972, vol. 2, 835 p. (in Russ.)

- Sbornik dokumentov po istorii Buryatii [Collection of Documents on the History of Buryatia]. Ulan Ude, 1960, 493 p. (in Russ.)
- Sibirskie goroda. Materialy dlya ikh istorii XVII i XVIII stoletii. Nerchinsk. Selenginsk. Yakutsk [Siberian Cities. Materials for their History of the 17th and 18th Centuries. Nerchinsk. Selenginsk. Yakutsk]. Moscow, Tipografiya M. G. Volchaninova, 1886, 145 p. (in Russ.)
- Vysochaishe uchrezhdennaya pod predsedatel'stvom stats-sekretarya Kulomzina komissiya dlya issledovaniya zemlevladieniya i zemlepol'zovaniya v Zabaikal'skoi oblasti. Materialy. [A Collection of Materials from the Highest Established Commission for the Study of Local Land Tenure and Land Use, Chaired by State Secretary Kulomzin]. St. Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya, 1898, iss. 5, 325 p. (in Russ.)
- Zhurnal vedennyi v Pekine po sluchayu pribytiya iz Rossii poslannika Nikolaya Gavrilovicha Spafariya, otpravlennogo po vysochaisheму Ego Tsarskogo Velichestva ukazu v 1676 godu, tsarstvovaniya kitaiskogo Khuandiya Kansiya v 15 leto [The Journal on the Arrival of the Envoy Nikolai Gavrilovich Spathari from Russia, Sent by the Decree of His Tsarial Majesty in 1676, in the 15th Summer of the Reign of Chinese Xuanye Kangxi, Kept in Beijing] / Perevod s man'chzhurskogo [Translation from Manchu]. *Sibirskiy vestnik [Siberian Bulletin]*, 1823, pt. 3, pp. 29–100. (in Russ.)

Информация об авторе

Андрей Сергеевич Зуев, доктор исторических наук, профессор
Scopus Author ID 56765493200

Information about the Author

Andrey S. Zuev, Doctor of Sciences (History), Professor
Scopus Author ID 56765493200

*Статья поступила в редакцию 21.02.2023;
одобрена после рецензирования 30.03.2023; принята к публикации 01.04.2023
The article was submitted on 21.02.2023;
approved after reviewing on 0.03.2023; accepted for publication on 01.04.2023*